

ТУЛЬСКИЙ ВЕНОК ПОЭТУ

В память о Есенине

Год 1995-й. Год Есенина. Сто лет назад зажглась на рязанской земле звездочка, которой суждено было стать лучезарной звездой русской литературы. «Поэзия Есенина, так любившего жизнь, все шире и шире откликается в сердцах живых, любящих жизнь. И в радостях, и в тревогах, и в скорби — она стала им добрым другом» — когда-то писал поэт Николай Браун. Привожу здесь эти строчки из недавно вышедшего в Туле буклета «Тулский венок Есенину», подготовленного заслуженным работником культуры России, сопредседателем Международного Есенинского общества «Радуница» Валерием Пилипенко по материалам им же созданного общественного музея «Сергей Есенин и литературная Тула».

Собранные в буклете биографические данные, снимки, подчас весьма редкие, многочисленные отрывки из воспоминаний поэтов — современников Есенина, его родных и близких, обращение ко многим именам литераторов-туляков, некоторые из которых почти забыты, вызывают большой интерес. Взгляд читателя задерживается на портретах поэтов есенинской поры — С. Клычкова, Н. Полетаева, И. Садофьева... Из тумана лет, словно проявляясь, выходят на страницы буклета тульские литераторы Михаил Кольчугин, Василий Галкин и многие другие, писавшие о великом поэте в прозе и стихах.

Как в стихах известных, так и мало известных писателей горячо бьется любовь к тому, кто так обогатил русскую поэзию. Если стихи Есенина приносят людям то чувство радости, то светлой грусти, будят в них желание прильнуть к русской березке, распахнуть свою душу навстречу солнцу и ветру, то литераторам они дарят еще и самое для них главное: вдохновение. Дар этот неиссякаем. Он и сейчас все так же щедр. Об этом можно судить хотя бы стихотворению поэта Валерия Савостьянова «Подарок».

Может, просто ты была рассеянна,
Может, разлюбив —

не отвечай?

Мой подарок в томике Есенина
Возвратила вдруг и невзначай.

Мы расстались,

Ты другого выбрала,

И была другому ты мила.

Но однажды медуница выпала

И легла на зеркало стола.

И рукою, вздрогнувшей

и робкою,

Я к цветку притронуться

боюсь —

Будто отраженный полировкой,

Как и он, внезапно раздвоюсь.

И опять с тобою рука об руку

В царство фей, берез и медуниц

Мы пойдем, беспечные,

по облаку

Песенных есенинских страниц.

И опять — все кончится:

Рассеянна,

Не сказав последнего

«Прощай!»,

Медуницу в томике Есенина

Возвратишь ты вдруг

и невзначай.

Из отрывочных воспоминаний создается в буклете образ Есенина-человека. «Даже на фоне нашей неповторимой эпохи четко выделялась эта красивая, блестящая фигура — Сергей Есенин. Где бы он ни появлялся, он обращал на себя общее внимание, к нему невольно приковывался взгляд, и он оставался в памяти надолго, если не навсегда», — так писал Николай Полетаев. Вспоминает Н. Полетаев и первые дни своего знакомства с великим русским поэтом, когда тот жил вместе со своим другом С. Клычковым... в ванной комнате особняка купцов Морозовых, где тогда размещался Пролеткульт. Ярко рисует обстановку кафе «Домино», где собирались поэты: «Спекулянты и дамы их, шикарно одетые, были жирны, красны, много ели и пили. Бледные и дурно одетые поэты сидели за пустыми столиками и вели бесконечные споры о том, кто из них гениальнее. Несмотря на жалкий вид, они сохранили еще прежние привычки и церемонно целовали руки у своих жалких подруг... Вот обстановка, в которой в 1919 году царил Есенин».

В том же особняке Морозовых Сергей Клычков познакомил Есенина с журналистом, поэтом Л. И. Новицким. «Однажды Есенин с Клычковым пришли ко мне на квартиру... Поговорили о том о сем, и я предложил гостям поужинать. Оба охотно согласились, — вспоминает Новицкий. — Я вышел в кухню для некоторых приготовлений. Возвращаясь, «сервирую» стол и направляюсь к буфету за продуктами. Там хранился у меня, как особенно приятный сюрприз, довольно большой кусок сливочного масла, недавно полученный мною от брата из Тулы. Ищу масло в буфете и не нахожу. Оборачиваюсь к гостям и смущенно говорю: «Никак масла не найду». Оба прыснули со смеху. Есенин признался «А мы не выдержали, съели все без остатка». Я удивился: как съели? Ведь в буфете хлеба не было! «А мы его без хлеба, ничего, — вкусно!» — подтверждали оба и долго хохотали, любуясь моим смущенным видом. Конечно, только буквально голодные люди могут наброситься на масло и съесть его без единого кусочка хлеба», — заключил Новицкий, тут же решив увезти Есенина в Тулу, чтобы «подкормить» его, тем более, что тогда он видел поэта «женственно-хрупким и слабым на вид подростком». Так появился Сергей Есенин в Туле, гостем семьи Новицких.

«Для Есенина, — вспоминает дальше Новицкий, — это была пора не только материального довольства, но и душевного покоя и отдыха — ни один вечер не проходил у нас впустую. Брат, человек музыкальный, был окружен группой культурных людей, и они тепло встретили молодого поэта. Ежевечерне Есенин читал свои стихи. Все написанное им он помнил наизусть. Читал он мастерски. Молодой грудной тембр голоса, выразительная смысловая дикция, даже энергичная, особенная, чисто есенинская жестикуляция, придавали поэтическому слову его своеобразную значимость и силу.

Иногда он имитировал Блока и Белого. Блока он читал серьезно, с уважением. Белого — с издевкой, утрируя, как внешнюю манеру читки Белого, так и содержание его потусторонних мистических «прорицаний». Часто Есенин пускался в долгие филолого-философские споры... Доставляли огромное наслаждение музыка его речи, душевная взволнованность, напряженность мысли, глубокая убежденность в правоте своих исканий...»

То, что я привожу в статье, лишь маленькая толика содержания буклета и совсем уже мизерная частица того, что собрано В. Пилипенко в его музее и не только собрано, но и приведено в музейный порядок и ждет только помещения, где туляки могли бы познакомиться со всем этим богатством.

Украшением буклета являются рисунки художника Ю. Рогожина, впрочем, не только украшением. Они помогают раскрытию образа певца России. Несомненную ценность представляют снимки старой, ушедшей в прошлое Тулы, той Тулы, какой ее видел Есенин, и, как теперь некоторые предполагают, не в один свой приезд.

Буклет, подготовленный В. Пилипенко на общественных началах при содействии департамента культуры области и Есенинского культурно-просветительского центра, думается, по праву назван «Тульским венком Есенину».

3. ДМИТРИЕВА.